

УДК 821.161.1

И. СЕЛЬВИНСКИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В. ПАРНАХА

Корчевская О. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: ok_vs@inbox.ru

Данная статья вводит в научный оборот новый документ из архива Дома-музея И. Сельвинского – статью русского эмигранта В. Парнаха на французском языке 1928 года о молодой русской поэзии 1920-х годов на примере творчества Б. Пастернака, И. Сельвинского и Б. Лапина. В статье производится сопоставительный анализ биографий Парнаха и Сельвинского. Обосновывается предположение о возможности личного знакомства И. Сельвинского и В. Парнаха через общего знакомого – Е. Габриловича. Исследуемая статья рассматривается в контексте литературной критики и творчества В. Парнаха в целом, а также в литературно-историческом контексте эпохи. Выясняется, что, находясь в курсе многих событий литературной жизни Москвы 1920-х годов, Парнах не знал или сознательно умолчал в своей статье о ряде важных фактов – революционных поэмах Б. Пастернака и смерти С. Есенина. Выясняется причина неприязни В. Парнаха к С. Есенину. Выясняется, что фигура И. Сельвинского у Парнаха имеет много общего с В. Маяковским, сам образ крымчакского поэта во многом заимствован из описания В. Маяковского французским писателем П. Мораном в памфлете «Я жгу Москву» 1924 года. В подтексте статьи обнаруживается еврейская тема. Выясняется, что автора и его героев роднит еврейское происхождение, по разному отзывающееся и преломляющееся в творчестве, а также интерес к эксперименту в искусстве.

Ключевые слова: И. Сельвинский, В. Парнах, русско-еврейская литература, еврейская тема, культура 1920-х годов, русский европеизм, советское западничество, литературная критика русского зарубежья о советской литературе.

ВВЕДЕНИЕ

В фондах дома-музея И. Сельвинского хранится статья на французском языке «Sur la Jeune Poésie Russe» о молодых русских поэтах 1920-х годов Б. Пастернаке, И. Сельвинском и Б. Лапине. Эта статья была издана в самом влиятельном литературном журнале межвоенной Европы “La Nouvelle Revue française” (Новое французское обозрение) в мае 1928 года. Подписана она именем «Valentin Parnas». В фонды дома-музея этот документ попал из личного архива И. Сельвинского, следовательно, поэт-конструктивист эту статью знал, хотя его дочери Татьяне Ильиничне имя Парнаха не знакомо¹.

¹ Личная переписка Корчевской О.В. и Сельвинской Т.И. в июне 2018 года.

Именем «Рагас» подписывал свои французские статьи Валентин Парнах (1891-1951), поэт, эссеист, переводчик и танцор, оставивший след в культуре Европы, русского зарубежья и советской России. Жизнь русского еврея и русского европейца Парнаха прошла между Россией, Европой и Палестиной. В советский период это имя было забыто, но на современном этапе Парнахом заинтересовались исследователи разных специальностей - как музыковеды, так и филологи. Были переизданы основные работы В. Парнаха: перевод «Приключений барона де Фенеста» Т.А. д'Обинье (2001), воспоминания о парижском периоде жизни «Пансион Мобер» (2005), книга об испанских и португальских поэтах, жертвах инквизиции (2012). Вышел целый ряд исследовательских работ о Парнахе – П. Нерлера (вступительная статья к «Пансиону Мобер»), Л. Ливака и А. Устинова – о Парнахе и литературном авангарде русского Парижа, О. Купцовой – о Парнахе и Мейерхольде, А. Михайлова – о Парнахе поэте и переводчике [1, 5, 6, 8, 9]. Однако статья Парнаха о Сельвинском нигде не фигурирует. Вообще имя поэта-конструктивиста никем не упоминается рядом с Парнахом. Вводя в научный оборот статью Парнаха о Сельвинском, мы восполняем этот пробел.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На первый взгляд, Парнах и Сельвинский имеют мало общего. Во-первых, физически: атлет Сельвинский, прошедший Гражданскую войну, работавший борцом и грузчиком, и – щуплый, веснушчатый, рыжеватый «жирафовидный истукан» В. Парнах. Во-вторых, культурно-мировоззренчески: русский европеец Парнах и, скорее, русский евразиец Сельвинский². Их разница в возрасте – 8 лет – является очень существенной из-за революции 1917 года. Если Парнах, родившийся в 1891

² Совсем неслучайной нам представляется его публикация в первом номере евразийского журнала русской эмиграции «Версты» (1926). Среди авторов этого альманаха были также М. Цветаева и Б. Пастернак, С. Есенин, И. Бабель, А. Веселый, А. Ремизов.

году, успел напитаться культурой Серебряного века, то Сельвинский принадлежит уже к поколению без дореволюционной биографии.

В то же время Парнаха и Сельвинского объединяли любовь к поэзии, стремление привнести нечто радикально новое в искусство и литературу, а также еврейское происхождение. Как известно, на рубеже XIX-XX веков еврейский вопрос сильно обострился, затем напряжение стало нарастать, вылившись в Холокосте. Еврейская среда в этот период чрезвычайно активизировалась. Одни старались вернуться к своим иудейским корням, другие от своего еврейства отрекались, старались его изжить, ассимилироваться, но все равно всю жизнь этим мучались.

Для Парнаха еврейская тема была одной из главных в жизни. Именно боль за положение евреев пробудила в нем поэта. В 9 лет он написал: «Моисей, о, если б ты увидел // Позор народа своего...». Свою фамилию – Парнох – он изменил на «Парнах», чтобы приблизить ее к сефардскому и, одновременно, ветхозаветному звучанию³. Главным делом его жизни стал сбор, перевод и публикация материалов о поэтах-сефардах, ставших жертвами инквизиции. Сельвинский, как известно, также отдал дань еврейской теме⁴, хотя, как доказывает в своем исследовании «Кафтаны и лапсердаки» А. Львов, отношение поэта-крымчака к своему еврейскому происхождению было двойственным и противоречивым⁵.

Могли ли Парнах и Сельвинский быть знакомы? Вполне возможно. В 1922-25 годах оба были в Москве, общались в одних кругах. У них был, по крайней мере, один общий знакомый – Евгений Габрилович, игравший на рояле в джаз-банде В. Парнаха и входивший в Литературный центр конструктивистов И. Сельвинского.

После отъезда в Европу в 1925 году Парнах написал несколько статей о русской поэзии начала 1920-х («In the Russian World of Letters» // The Menorah Journal (New York). 1926. Vol. 12. №3; «Les poètes russes d'aujourd'hui» («Europe»,

³ Акимов М. Парнах Валентин Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. – С. 532.

⁴ См., например, Шраер М. Д. Илья Сельвинский, свидетель ШОА // Новый мир. – 2014. - № 4.

⁵ См.: Львов А. Л. Кафтаны и лапсердаки. Сыны и пасынки: писатели-евреи в русской литературе. - Москва : Книжники, 2015. – 684 с.

1926, № 40). Героями тех статей были О. Мандельштам, Б. Пастернак, Б. Лапин, М. Гершензон и П. Антокольский. Сельвинский же стал представлять российскую поэзию у Парнаха в 1928 году. За эти два года поэт, как известно, серьезно заявил о себе: в 1926 году вышел его первый поэтический сборник «Рекорды», в 1927 - «Улялаевщина».

Обращает на себя внимание тот факт, что в статье 1928 года не упоминается О. Мандельштам – близкий знакомый В. Парнаха и на тот момент уже признанный большой поэт. Одно из объяснений этому можно найти в мандельштамоведении, где получила распространение история о ссоре между Парнахом и автором «Камня» после выхода повести «Египетская марка» [8, 2]⁶. Мандельштам наделил героя повести именем и некоторыми чертами Парнаха. Характерной приметой обоих были «лаковые штиблеты» [9]. Но еще важнее сходство внутреннее, заключающееся в «сочетании хрупкости, напуганности, уязвимости и уязвленности с чувством достоинства, чести, с бесстрашием в вопросах жизни и смерти» [8, с.13]. «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него...», - восклицает в повести Мандельштам.

Парнах прочел эту повесть как пасквиль на себя. Е. Арензон пошел дальше и предположил, что Мандельштам не был инициатором этой ссоры: он ответил на негативный отзыв о его творчестве в упомянутой выше статье Парнаха 1926 года [Цит. по 2]. Прочитав «Египетскую марку» и обидевшись, Парнах действительно мог вычеркнуть все упоминания о Мандельштаме из своей готовившейся к печати статьи.

Вообще статья Парнаха, о которой здесь идет речь, производит впечатление двойственное и противоречивое. С одной стороны, автор декларирует свое намерение говорить о новом и злободневном. И действительно касается актуальных для 1920-х тем в русской литературной жизни: идеология пролеткульта, ЛЕФовцев Маяковского и конструктивистов. Так, он пишет: «Постепенно, начинает осуждаться не только

⁶ Исследователи Мандельштама базируются здесь на воспоминаниях сына В. Парнаха – А. В. Парнаха, узнавшем об обиде отца на Мандельштама от своей матери [1, с. 531]. Исследователь Л. Кацис этим источникам не доверяет.

мистицизм, но все (всякие) попытки сложной и индивидуалистской поэзии. Марксисты требуют, чтобы литература подстраивалась под пролетариат. Футуристы стараются стать марксистами, а молодые люди рабоче-крестьянского происхождения массово начинают слагать вирши» [14, с. 708].

Начиная с 1925 и вплоть до 1930 года велся достаточно напряженный спор между Левым фронтом и конструктивистами. Парнах приводит один из главных принципов конструктивизма, который подчеркивали члены ЛЦК, противопоставляя себя Лефовцам: «Сегодня эпоха конструкции и организации приходит на смену военного футуризма» [14, с. 710]. Конструкция и организация вместо разрушения и нигилизма.

В остальном Парнах (как, кстати, и многие исследователи) различия между ЛЕФом и ЛЦК не видит. Он отмечает, что лозунг «Искусство – служанка марксизма», добродетель научной организации труда (НОТ) и желание побороть иррациональную поэзию объединяет тех и других [14, с. 708-710].

В выявлении сходства между ЛЕФом и ЛЦК Парнах идет еще дальше. Он изображает вождей этих групп Маяковского и Сельвинского чуть ли не как двойников. Делает он это с помощью цитаты. Парнах характеризует Сельвинского словами французского писателя Поля Морана о Маяковском из скандального памфлета 1924 года «Я жгу Москву». В этом памфлете Маяковский выведен под именем Мордехая Гольдвассера, а Лиля Брик – Василисы Абрамовны. Полю Морану лицо красного поэта напомнило «американских боксеров-евреев, которые недавно появились на ринге» [4]. Этими же самыми словами, ссылаясь на Морана, но не упоминая, что у того они относятся к Маяковскому, описывает Сельвинского Парнах. Моран отмечает силу и необузданность Мордехая. У Парнаха Сельвинский «врывается на арену поэзии как полуслепой бык» [14, с. 709].

Сходство отмечается не только в их внешности, но и в творчестве. Маяковский у Морана «боксирует словами, употребляет каламбуры, грубые выражения, народные образы, монологи сумасшедших, фольклор, деревенское просторечие, диалекты инородцев, жаргон мастеровых» [4]. Сельвинский, по словам Парнаха, умеет «использовать воровской жаргон и стиль цыганских песен» [14, с. 710]. Из-под пера

Маяковского вышли «политические пьесы, атеистические песенки для детей, патриотические гимны, оды сельскохозяйственным удобрениям, каллиграммы в форме серпа и молота, рекламы государственной промышленности» [4]. Конструктивисты Сельвинского хващают знанием «языка газет и большевистских настольных книг», вместе с Маяковским они называют себя «социалистическими поэтами» [14, с. 710]. Маяковский и Сельвинский, по словам Парнаха, «с головой ушли в современность» [14, с. 711].

В то же время Парнах замечает в творчестве Сельвинского и своеобразные черты. В частности, речь идет об умении поэта-крымчака «описывать увиденные воочию кровавые события гражданской войны», проявившемся в «Улялаевщине» [14, с. 711].

Знание важных событий литературной жизни Москвы 1920-х годов сочетается у Парнаха со значительными пробелами или же умолчаниями. Парнах говорит о творчестве Пастернака 1910-х – начала 1920-х годов и не знает либо умалчивает о его «революционных поэмах» («Лейтенант Шмидт» (1926) и «905-й год» (1927)). Русское зарубежье познакомилось с этими поэмами Пастернака еще до выхода их отдельной книгой (отдельные отрывки были напечатаны в журналах «Версты» и «Воля России»), и в 1926-27 годах все влиятельные критики эмиграции – З. Гиппиус (А. Крайний), В. Ходасевич, Г. Адамович – на эту тему высказались [11]. Как и следовало ожидать, нового Пастернака они не приняли [11].

Умолчав о революционных поэмах Пастернака, Парнах поставил в упрек партийную работу Маяковскому. Красного поэта Парнах охарактеризовал как «бывшего апаша», ныне – «высокого литературного чиновника», по-видимому, имея в виду активное сотрудничество Маяковского с Наркомпросом в 1918-1925 годах.

Совершенно уничижительно Парнах отозвался о Есенине - «слащавый moujik с душой гитариста» [14, с. 709]. Создается впечатление, что он не знал о смерти поэта в декабре 1925 года, наделавшей столько шума и в советской, и в зарубежной прессе. Для многих критиков русского зарубежья смерть поэта изменила отношение к нему. Если при жизни Есенина Г. Адамович писал о нем как о «дряблом, вялом, приторном,

слащавом стихотворце», то в 1929 отметил, что в последние годы поэт стал «сложнее и привлекательнее» [13, с. 401].

Объяснение такой пристрастности Парнаха находим в его воспоминаниях «Пансион Мобер». Он пишет: «В Москве я уже задыхался от тирании предшественников РАППа, от злобного православия старой загнивающей интеллигенции, от расцветшего с новой силой общественного антисемитизма. Особенно ненавидели меня так называемые «крестьянские поэты» - погромщики, которые считались тогда революционными писателями и состояли даже редакторами. Моих стихов не печатали. Я был опять обречен на молчание. Не раз мне казалось: это чудовищный сон» [10, с. 81]. Действительно, как известно, новокрестьянские поэты С. Есенин, А. Ганин, П. Орешин и С. Клычков обвинялись в национализме и антисемитизме. Таким образом, уничижительно характеризуя в своей статье Есенина, Парнах, по всей видимости, сводит личные счеты с ним.

Еврейская боль звучит не раз в подтексте статьи Парнаха. Говоря о творчестве Бориса Лапина, Парнах отмечает, что к творчеству этого рано созревшего гения хорошо подходят строки Лермонтова: «За то, что мы боготворим, Что презираете вы хладно!» Сам он комментирует это следующим образом: Лапин, в отличие от поэтов-пролеткультовцев и футуристов, любит Прошлое и Заграницу. Во фрагменте о Лапине отсутствует тема боли и гнева еврея в антисемитском мире, но зато эта тема без околичностей прописана в связи с его собственными созвучными строками в «Пансионе Мобер». «Я ненавижу все, что любишь ты, урод, // Я полюблю все то, что ты возненавидишь. // В упор! Моя любовь - твоя вражда и смерть. // В упор! Твоя вражда - моя любовь и жизнь. // Хотя бы в этом мы - увы! – неразделимы» - пишет он во фрагменте о преследованиях евреев в царской России [10, с. 69-70]. Именно еврейские погромы стали причиной его эмиграции из России в 1915 году.

Парнах на протяжении всей жизни испытывал к своей родине России очень противоречивые чувства. Неизменным в его жизни было только чувство своей чуждости и изгнанничества. Оно не покидало его ни в России, ни в Палестине, ни в Европе, ни до – ни после революции. В то же время не оставляла и надежда на изменение обстоятельств, на обретение настоящей родины, что и обусловило его

метания по странам в течение всей жизни. Во Франции в конце 1920-х годов усиливались антисемитские настроения, поэтому даже в либеральном и аполитичном «Nouvelle Revue Française» Парнаху пришлось спрятать еврейскую тему в подтекст.

Так, например, еврея Штейна в поэме «Улялаевщина» Парнах называет иносказательно «один из героев Сельвинского».

Еще один пример спрятанной в подтекст еврейской темы – наблюдение, сделанное о своеобразии поэтической манеры Сельвинского в «Песни в казацком походе». Использование в ней особых интонационных знаков – вопросительный знак в середине слова, перенос ударения и т.д. – напоминает критику Библийские стихи. В действительности особые знаки – знаки кантилляции – использовались только в Танахе – древнееврейском тексте Ветхого Завета. Парнах же это важное уточнение не делает.

Образ Штейна для Парнаха был олицетворением западничества. Он называет героя «трезвомыслящим и волевым» и приводит его слова в поэме: «Не люблю России – тупа». Как и многие интеллектуалы того времени, Парнах размышлял о русской культуре в оппозициях «стихия/ хаос – порядок», «женственное – мужественное», «безволие – воля».

Как «советское западничество» расценивал конструктивизм, да и социализм в целом, главный теоретик конструктивизма К. Зелинский. В работе «Госплан литературы» 1925 года он пишет: «Можно, наконец, сказать, что ленинизм, взятый в приложении ко всем нашим расейским «стихиям», выступает перед нами в известной своей части (и я это подчеркиваю) как гигантский организационный натиск, как необыкновенно яркое господство плана, как овладение при помощи плана “бесформенным хаосом”» [3].

Об упорядочении хаоса говорит Парнах и в связи с Пастернаком. Если в раннем творчестве над душой поэта властвовал дух бури, грозы, он стремился к слиянию со стихией, то с возрастом, как пишет Парнах, Пастернак «начинает проявлять некоторую мужественную трезвость», «его идеи уточняются», «его энергия сосредотачивается в анапестическом стихе» [14, с. 709].

О Лапине Парнах говорит, что тот «смог примирить свой «негритянский стиль» с чистым и обдуманым языком» [14, с. 711]. Слово «негритянский» здесь следует понимать как «первозданный». Именно в 1910-20-е годы Европа увидела в негритянской культуре источник первозданной энергии, который может обновить и оживить одряхлевшую культуру Европы. Из негритянской музыки вышел джаз, восхитивший Парнаха до того, что тот решил привезти его в РСФСР. Стиль самого Парнаха-танцора также характеризовало соединение негритянского фольклора с «неповторимым хореографическим искусством», как отмечал его знакомый, поэт русского Парижа Довид Кнут [Цит. по 8, с. 11].

Парнаха, как и всех тех, о ком он писал, интересовал эксперимент в искусстве. В этом смысле все они были модернистами, а порой – и авангардистами. В отличие от революционных футуристов, они не разрывали с традицией прошлого, но стремились модернизировать ее. Во второй половине 1920-х годов авангардистское искусство стало затухать. Место эксперимента и в русском зарубежье, и в советской России, занял реализм. Черты авангардистской поэтики еще кое-где проявлялись, но уже в соединении с реализмом. На наш взгляд, этот процесс перехода от авангарда и модернизма к соцреализму и зафиксирован в статье В. Парнаха. Отражает статья и возрастание роли подтекста в литературе под влиянием идеологии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на принадлежность к разным поколениям, разные культурно-мировоззренческие принципы, Сельвинский и Парнах, в целом, принадлежали к одному кругу – русско-еврейских интеллектуалов и литераторов 1920-х годов, в который входили Б. Пастернак, О. Мандельштам, П. Антокольский, Б. Лапин, М. Гершензон, М. Гнесин, В. Мейерхольд, Д. Кнут, А. Гингер, И. Эренбург и многие другие. Парнах и Сельвинский вполне могли быть лично знакомы: оба были в Москве в 1922-25 годах, в этот период у них был общий знакомый – Евгений Габрилович, входивший одновременно в джаз-банд Парнаха и ЛЦК Сельвинского. Парнаха и Сельвинского объединял также интерес к авангарду, сочетавшийся с еврейской темой, а также фольклором.

Статья «Sur la Jeune Poésie Russe» 1928 года – третья по счету статья Парнаха для иностранной прессы о русской поэзии 1920-х годов. Еврейская тема в ней завуалирована, спрятана в подтекст. Именно в этой статье впервые появляется Сельвинский, вошедший в литературу в 1927 году как автор «Улялаевщины». Фигура Сельвинского у Парнаха имеет много общего с В. Маяковским, сам образ крымчакского поэта во многом заимствован из описания В. Маяковского французским писателем П. Мораном в памфлете «Я жгу Москву» 1924 года. Находясь в курсе многих событий литературной жизни Москвы 1920-х годов, Парнах не знал или сознательно умолчал в своей статье о ряде важных фактов – революционных поэмах Б. Пастернака и смерти С. Есенина. На протяжении всей жизни Парнах страдал от антисемитизма. Боль за преследование евреев в мире сочеталась у него с ненавистью к погромщикам и националистам. Именно этим часто объясняется пристрастность Парнаха как литературного критика, как, например, в случае с Есениным.

Список литературы

1. Акимова М. Парнах Валентин Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. – С. 531–533.
2. «Египетская марка» Осипа Мандельштама: пояснения для читателя. – М.: ОГИ, 2012. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/550838.html>
3. Зелинский К. Госплан литературы. – Режим доступа: <https://zelinski.org/osnovnyie-raboty-i-o-konstruktivizme/> (Дата обращения 12.08.2018)
4. Золотоносов М. М/З, или Катаморан: Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» с комментариями. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1996.
5. Купцова О. Н. Валентин Парнах в театре Мейерхольда: к истории театральных контактов Советской России и Запада 1920-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. – 2012. - № 12. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Дата обращения 15.08. 2018)

6. Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа. История, хроника, антология, документы. – М.: ОГИ, 2014. – 992 с.
7. Львов А. Мотъкэ-Малхамовес Илья Сельвинский // Львов А. Кафтаны и лапсердаки. Сыны и пасынки: писатели-евреи в русской литературе. – Москва, 2015. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1055610> (Дата обращения 15.08.2018)
8. Нерлер П. Вступительная статья к «Пансиону Мобер» В. Я. Парнаха // Диаспора. VII. – Париж., СПб.: Athenaeum- Феникс. 2005. – С. 7-16.
9. Павленко И. П. Валентин Парнах – карабкающийся акробат // Вехи Таганрога. - 2010. - № 44. - С.21–24.
10. Парнах В. Я. Пансион Мобер. Вступит. статья П. Нерлера. Публикация и комментарии П. Нерлера и А. Парнаха // Диаспора. VII. – Париж., СПб.: Athenaeum- Феникс. 2005. – 91 с.
11. Сергеева-Клятис А.Ю. Поэма Б. Пастернака «905-й год» в советской журналистике и критике русского зарубежья // История литературы и публицистики. – 2013. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1483> (Дата обращения 20.08.2018)
12. Шраер М. Д. Илья Сельвинский, свидетель ШОА // Новый мир. – 2014. - № 4. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/4/m11.html (Дата обращения 12.08.2018)
13. Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918-1945) // Les Premières Rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. С. 385-414.
14. Parnac V. Sur la Jeune Poésie Russe // La Nouvelle Revue Française. 1928. № V. P. 708-712.

References

1. Akimova M. Parnakh Valentin Yakovlevich. Russkie Pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar. [Russian Writers. 1800-1917. Biographical Dictionary] Moscow, 1999. V. 4. P. 531–533.
2. «Yegipetskaya marka» Osipa Mandelshtama: Poyasneniya dlya Chitatelya. [O. Mandelstam's Egyptian Stamp: Reader's Companion]. Moscow, Associated

- Humanitarian Publ., 2012. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/550838.html> (Accessed 12.08.2018).
3. Zelinskii K. Gosplan Literaturny. [The State Plan for Literature]. Available at: <https://zelinski.org/osnovnyie-raboty-i-o-konstruktivizm> (Accessed 12.08.2018).
 4. Zolotonosov M. M/Z, ili Katamoran: Rasskaz Polya Morana «Ya zhgu Moskvu» s kommentariyami. [M/Z, or Katamorand: Paul Morand's Short Story Je brûle Moscou with Comments]. Saint-Petersburgh, INAPRESS Publ., 1996.
 5. Kuptsova O. N. Valentin Parnakh v Teatre Meiyerkhol'da: k Istorii Teatral'nykh Kontaktov Sovetskoi Rossii i Zapada 1920-kh gg. [Valentin Parnakh in Meyerhold's Theatre: to the Question of History of Theatre Contacts Between Soviet Russia and the West in the 1920s] New Russian Humanitarian Research. 2012. № 12. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Accessed 15.08. 2018).
 6. Livak L., Ustinov A. Literaturnyi Avangard Russkogo Parizha. Istoriya, Khronika, Antologiya, Dokumenty [The Russian Literary Avant-garde in the 1920s Paris. History, Chronicle, Anthology, Documents]. Moscow, Associated Humanitarian Publ., 2014. 992 p.
 7. L'vov A. Mot'keh-Malkhamoves Il'ya Sel'vinskii [Motke Malhamoves Ilya Selvinsky] Kaftany i lapserdaki. Syny i Pasyunki: Pisateli-Yevrei v Russkoj Literature [Caftans and Lapserdacks: Sons and Stepsons: Jewish Writers in Russian Literature]. Moscow, 2015. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1055610> (Accessed 15.08.2018)
 8. Nerler P. Vstupitel'naya Stat'ya k «Pansionu Mober» V. Ya. Parnakha [Preface to V. Parnakh's "La Pension Maubert"] Diaspora. VII. Paris, Saint-Petersburgh: Athenaeum-Phoenix Publ., 2005. P. 7–16.
 9. Pavlenko I.P. Valentin Parnakh – Karabkayushchiisya Akrobat [Valentin Parnakh – A Climbing Acrobat] Vekhi Taganroga [The Milestones of Taganrog]. 2010, № 44. P. 21–24.

10. Parnakh V. Ya. Pansion Mober [La Pension Maubert]. Preface by P. Nerler. Publication and Comments by P. Nerler and A. Parnakh Diaspora. VII. Paris, Saint-Petersburgh: Athenaeum-Phoenix Publ. 2005. 91 p.
11. Sergeeva-Klyatis A.Yu. Poema B. Pasternaka «905-i God» v Sovetskoi Zhurnalistike i Kritike Russkogo Zarubezhya [B. Pasternak's Poem "The Year of 1905"] Istoriya Literatury i Publitsistiki [History of Literature and Journalism]. 2013. Issue. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1483> (Accessed 20.08.2018)
12. Shrayner M. D. Il'ya Sel'vinskii, Svidetel' SHOА [Ilya Selvinsky, Witness to the Shoah] Novyi mir [New World]. 2014. № 4. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/4/m11.html (Accessed 12.08.2018)
13. Shubnikova-Guseva N.I. Diskurs Russkoi Emigratsii o Esenine (1918-1945) [Russian Émigré Discourse on Yesenin] Les Premières Rencontres de l'Institut Européen Est-Ouest. P. 385-414.
14. Parnac V. Sur la Jeune Poésie Russe. La Nouvelle Revue Française. 1928. № V. P. 708–712.

ILYA SELVINSKY IN V. PARNAKH'S FRENCH LITERARY CRITICISM

Korchevskaya O. V.

This article introduces and examines a new document from the archive of the Selvinsky House-Museum. It's a French article by the Russian emigrant V. Parnakh published in *Nouvelle Revue Française* in 1928. It's devoted to the young Russian poetry of the 1920s and in particular to B. Pasternak, I. Selvinsky and B. Lapin's works. The researcher compares the biographies of Parnakh and Selvinskii. It is suggested that I. Selvinskii and V. Parnakh might have got acquainted through Ye. Gabrilovich, their mutual friend. Parnakh's article is studied in the context of literary criticize and his works in whole, also in literary and historical context of the epoch. The article explores that Parnakh kept on many events in the Moscow literary life of the 1920s. But he did not know or deliberately ignored in his article a number of important facts - the revolutionary poems of B. Pasternak and the death of S. Yesenin. The article brings to light the reason for Parnakh's dislike of S. Yesenin. It is revealed that the figure of I. Selvinsky in Parnakh's article has much in common with V. Mayakovsky. The image of the Krymchak poet was largely borrowed from the description of V. Mayakovskii by the French writer P. Morand in the pamphlet *I Burn Moscow* (1924). The subtext of the article reveals a Jewish theme. The article explores the details of the author's and his heroes' common Jewish origin. It is responded and interpreted differently in his works. The article deals with Parnakh's interest to the experiment in art.

Key words: I. Selvinsky, V. Parnakh, Russian and Jewish literature, Jewish theme, culture of the 1920s, Russian Europeanism, Soviet Westernism, Russian émigré literary criticism on Soviet literature.